
ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ТУЛЫ И ОБЛАСТИ

ЩЕКИНСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ПОЭТИЧЕСКОЕ БРАТСТВО»

Литобъединение при районной газете «Щекинский вестник» существовало в разные времена: оно то «светило» во всю мощь, то горело вполнакала. Не одно поколение поэтов и прозаиков прошло через него... С 2001 года встречи творческих личностей стали регулярными. Появилось много молодых поэтов: Олег Пантюхин, Эдуард Мартышев, Наталья Кожемяко, Анна Кондрашова, Валерий Ибатулин. Всех перечислить просто невозможно. Совместными усилиями выпущены сборники «Солова», «У засечной полосы», «Поэтическое братство». Многие участники выпустили свои сборники. Произведения нескольких представителей нашего литобъединения представляем вашему вниманию.

Руководитель литобъединения Нина Ростовцева.

ОЛЕГ ПАНТЮХИН (г. Щекино)

Кандидат технических наук, доцент Тульского государственного университета, директор издательства Тульского государственного университета. Свои первые стихи написал в 1998 г. С 2000 г. стихи публикуются в районной газете «Щекинский вестник». Печатался в литературных альманахах «Солова», «У засечной полосы», «Отчий край», журнале «Приокские зори». В 2007 г. вышел его первый сборник стихов «Серебряный дождь». Основные темы творчества — это темы любви, России, военных событий. Член редколлегии нашего журнала.

РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ

Русская деревня — боль души России.
Русская деревня, где найти ей силы?
Версты, перелески и дома пустые.
От картины этой снова сердце стынет.
Прадеды и деды жили здесь когда-то,
В босоногом детстве бегали ребята.
А вокруг сегодня — словно в поле зимнем,
Запустеньем веет, мрачно и тоскливо.
Сколько по России деревенок малых,
Никому не нужных, нищих, захудалых.

И проходит время, и уходят люди,
И земля пустеет... Что с ней дальше будет?
Повернуть к истокам надо нам однажды,
Чтоб деревне русской жить светлей и краше.

* * *

Годы летят, быстро летят,
Нас не щадя.
Как же давно, очень давно
Не видел тебя.
Ты далеко, так далеко
Дом свой нашла.
Только вот в нем, только вот в нем
Мало тепла.
Ты не грусти, ты не грусти,
Знаю одно —
Встретиться вновь, встретиться вновь
Нам суждено.
Нити судеб, нити судеб
Переплетя,
Мы обретем, мы обретем
Прежних себя...

* * *

Желтыми листьями октября
Двор застелен.
В то, что спасется наша Земля,
Свято верю.
Верю — очистится от беды
Вся планета,
Станет обителью доброты,
Любви и света.
Время придет, и наденем мы
Праздничные одежды.
Жив человек, и потому
Жива надежда!

* * *

За окном бело от снега,
Просыпается душа.
Хоть немного дайте света,
Чтобы жить ей и дышать,
Чтобы чувствовать рассветы,
И закаты провожать,
Чтоб любить ей в мире этом
И летать...

* * *

Заметает февраль все дороги.
Душу ветром продуло насквозь.

Прибавляется день понемногу,
И слабеет февральский мороз.

Утро снова уводит из дома,
Где тепло моего очага.
Город. Лица людей незнакомых.
И привычная всем суета.

Я не прячу от холода душу.
Если сердце согрето теплом,
Даже в самую лютую стужу
Можно быть негасимым огнем.

ИСПОВЕДЬ

На душе светло, спокойно, мощно.
Мысль моя прозрачней янтаря.
Лишь одно я знаю очень точно —
Эту жизнь я проживу не зря.

И когда придется ставить точку
И аккорд последний мне сыграть,
Обниму я сына или дочку
И про жизнь я буду вспоминать.

Жил, любил, мечтал, страдал и верил,
Находил, терял и снова находил.
Подлостей я никому не делал
И в вине печалей не топил.

С юности искал свою дорогу,
Отсекал неверные пути.
Вот ее нашел я, слава Богу,
И хочу всю жизнь по ней идти.

А когда на сердце неспокойно,
Тянет на есенинскую грусть,
Чувства все я переплавлю в строки,
К таинству стиха я прикоснусь.

И однажды, раннею весною
В час, когда меня не будет на Земле,
Может кто-нибудь с печалью в сердце
Хоть на миг, но вспомнит обо мне.

На душе светло, спокойно, мощно.
Мысль моя прозрачней янтаря.
Лишь одно я знаю очень точно —
Эту жизнь я проживу не зря!

ЭДУАРД МАРТЫШЕВ (Ямало-ненецкий автономный округ)

Родился в г. Щекино Тульской области 8 сентября 1974 г. Закончил ТГУ (горный факультет) в 1996 г. Работает на Севере в ЯНАО. Пишет с 16 лет.

Печатался в альманахах «Тула», «У засечной полосы», «Литературный факел», периодических изданиях «Красный Север», «Рабочий Надыма», «Транспорт газа», «Северяне», «Щекинский вестник».

ЯНВАРЬ

Всю ночь поет волшебный лес,
Сегодня ночь полна чудес,
И завораживает взоры
Снежинок невесомый блеск.
Поют протяжно сосны, ели,
Поют про вьюги и метели,
Березы кружат хоровод,
Пришел, нагрянул Новый год!
Зверье лесное кружит в танце,
Медведи, волки, лисы, зайцы,
И даже старенький глухарь
Тебя приветствует, январь.
И звезд по небу мчится рой,
Луна качает головой,
И ветер, что-то напевая,
Трясет седою бородой.

ЦАРИЦА СЕВЕРА

Слепит твоя алмазная корона,
Венец хрустальный сотканный из звезд,
Лучится месяц в изголовье трона,
Лишь посох ледяной собою прост,
Его в руке без трепета ты держишь,
Царица Севера, Великая Зима,
Лишь ты одна им сотни лет владеешь,
Им суд верша, лишь только ты права,
Ты правишь миром гордо, правишь властно,
И дни и месяцы все превращая в лед,
И мироздание с тобой во всем согласно,
Пока весна свой посох не возьмет!

ЗИМА-СТАРУШКА

На окраине лесной
В маленькой избушке,
Где хозяин — Домовой,
Там живет старушка.
Ростом ниже воробья,
Никогда не злится,
Это бабушка Зима —
Снежная царица.
В белом стареньком платке,
В беленьких сапожках,
Держит в старом сундуке
Тайны на замочках.
Там снежинок белых рой,
Словно пчелы в улье,
Веселится Домовой
Знать, они заснули.
Там и вьюга, и туман,
Звездное дыханье,
Есть и радужный фонтан,
Севера сиянье.
А внизу, на самом дне,
Что-то серебрится,
То, что дорого Зиме —
Маленькие спицы.
Чуть длиннее коготка
Спицы у старушки,
На концах два огонька,
С виду, как игрушки.
Но они не мишура,
Лучше нет награды,
Вяжет ими мать Зима
Для земли наряды.
Для деревьев и кустов,
Для полей и речек,
Для поселков, городов
Из беленьких колечек.
И из снежной бахромы
Для окон узоры,
Чтоб не отрывали мы
От красы той взоры.
А из инея платки,
Шапки для метели,
Чтоб нарядными слыли
И дубы, и ели.
Вот такие чудеса
У Зимы-старушки,
Где мерцают небеса
Над лесной избушкой.

ВЕСНА

Кто хрустит ледовой коркой?
Кто по бережку идет?
И какой — такой уловкой
Зимний панцирь насквозь бьет?
Кто сугробов не боится
И от хлада не тает?
И не муж, не зверь, не птица,
Это кто ж такой идет?
Перед кем мороз пасует,
На кого напрасно дует
И трещит все громче лед?
Это красная девица
Чаровница, мастерица,
Лебедь белая из сна.
Жизнь в глазах ее тает,
Изумрудами искрится,
Эта девица — весна.

СНЕГИРИ

Стайка юрких, стайка шустрых
Развеселых снегирей,
Пролетела мимо сосен
И озябших тополей,
Пролетела мимо клена,
Мимо дуба, что поет,
Мимо елочек пушистых
Вдаль продолжила полет!
Промелькнули, пролетели
Мимо спящие сады,
И хрустально отзвенели
Льдом застывшие пруды.
Красногруды, круглобоки,
Словно с крыльями шары,
Мимо замков пролетели,
Мимо шумной детворы.
— Вы куда, куда летите,
Озорные огоньки?
Что найти зимой хотите?
Отвечайте, снегирьки!
Отвечают чудо-птицы,
Чудо-птицы огневицы:
Грозди сочные рябин
Мы давно найти хотим!
Что вы, дети, говорите?
За углом? Летим! Летим!

ИМЕНИННИЦА

Этой бабушке сегодня
Будет ровно 200 лет!
Приготовим для бабули
Замечательный обед,
Принесем пучки салата,
Пять морковок ей возьмем,
Два банана, авокадо,
Сока свежего нальем!
Вы, конечно, удивитесь,
Угощение — пустяк,
Все нормально, улыбнитесь,
Не краснейте, словно рак!
Да, все верно, без обмана,
Мы для вас даем ответ:
— Черепахе в зоопарке
Этим утром 200 лет!

НИНА РОСТОВЦЕВА (г. Щекино)

Главный редактор газеты «Щекинский вестник», руководитель литературного объединения «Поэтическое братство». Печаталась в региональной и местной прессе. Изданы поэтические сборники и книга сказочной фантастики «Вчерашний день наступит завтра».

ПРЕЖДЕ ЧЕМ РАССТАТЬСЯ

Письмо от Олега Людмила получила в воскресенье, а во вторник, по ее подсчетам, он уже должен приехать в Тулу. Все-таки от Хабаровска, где ее друг прослужил два года, путь неблизкий, около двух недель на поезде. Но, ожидая парня, девушка не могла сказать с полной уверенностью, что ждет Слега с нетерпением, и уже сомневалась, что любит по-прежнему. Хотя два года ждала его честно, с парнями не встречалась, ухаживания вежливо отклоняла, на письма отвечала добросовестно. Но, как бы там ни было, закон сохранения на любовь часто не действует в период отсутствия любимого.

Впрочем, выбирать не приходилось. Приедет, тогда и будем решать, насколько изменился каждый из них.

Почти те же мысли приходили в голову и Олегу, трясущемуся в прокуренном вагоне уже вторые сутки. Он не мог представить, какой стала его одноклассница, в которую он влюбился, едва переступив порог десятого класса. Людмила дружила с парнем из другой школы, но Олег, как говорят, отбил ее, хотя однажды даже был бит приятелями того парня. И все же девушка предпочла его.

Поезд в Красноярске стоял полчаса. И перед самым отправлением в вагоне, в котором ехал с друзьями Олег, появилась девушка с небольшим чемоданчиком и букетом увядающих сибирских жарков.

Парни потеснились, уступив место девушке, а цветы, не успевшие стать гербарием, расставили по пивным бутылкам.

Девушка смущенно поблагодарила ребят и объяснила:

— У меня завтра день рождения, вот и принесли цветы... А через трое суток я должна быть в Тюмени. Направили туда по распределению.

Ребята обрадовались и наперебой стали предлагать план, как они отметят ее день рождения. Олег помалкивал, он смотрел в окно и думал о том, что вот так и к Людмиле «пристают» парни, а она принимает их ухаживания.

Между тем девушка освоилась в их компании, начала угощать парней домашними пирожками и рассказывать об учебе в училище культуры, после которого она будет работать художественным руководителем, либо директором клуба. Чуть позже Лена (так звали девушку) пела под гитару, которую раздобыли ребята в соседнем вагоне. Сережка Ветров ни на шаг не отходил от Лены, и отчего-то это раздражало Олега.

Ночью ему не спалось. Он прислушивался к тихой беседе Сережки с Леной, который предлагал ехать с ним до Москвы, где они непременно поженятся. Девушка отнекивалась, но парень настаивал, даже попытался поцеловать Лену, но та ловко увернулась из его объятий.

— Не пожалей! — услышал угрозу Олег и насторожился. Он знал Сергея как самолюбивого парня, добивающегося всего, чего ни пожелает, любой ценой. А уж с девушками он особо не церемонился.

Наутро ребята поздравляли Лену с «круглой датой»,— двадцатилетием, на каждой станции высказывали на перрон и приносили девушке скромные дары: то булочки с изюмом, то стакан семечек, а Витька умудрился принести даже жареную утку. Вечером был пир горой. А чуть позже захмелевшие и уставшие от беготни парни довольно быстро легли спать.

Среди ночи Олег проснулся и услышал чей-то сдавленный крик. Встрепенулся и увидел, как Сергей зажал рот девушке и пытается вытащить ее в тамбур. Пока Олег раздумывал, Лена оказалась за дверью, а на полу остались рассыпанные пуговицы ее блузки. Олег вскочил и рванул дверь: отшвырнул в сторону Сергея от насмерть перепуганной девушки и выпроводил ее в вагон.

— Защитничек,— процедил сквозь зубы Сергей, но в драку не полез.

Вернувшись в вагон и не найдя Лены, Олег пустился на ее поиски. Но нигде ни ее, ни вещей не оказалось. Если только в туалете, который был закрыт подозрительно долго.

И действительно, до самого утра она не выходила оттуда.

За завтраком снова все балагурили, кроме трех очевидцев и участников ночного происшествия.

Олег вышел в тамбур, Лена поспешила за ним.

— Спасибо тебе.— В голосе ее стояли слезы.— Если бы...

— Не надо. Все хорошо, что хорошо кончается.

— Только теперь я не смогу доверять людям и думаю, может быть, вернуться домой?

— Ну что ты,— возразил Олег,— на новом месте забудется этот неприятный инцидент, ты встретишь... — и парень осекся. Почему-то не смог закончить фразу. Искоса взглянул на Лену, сердце внутри забилось неровно, как бы давая сбой.

— Я пойду,— зашепила девушка,— через три часа Тюмень. Пока соберусь, попрощаюсь с ребятами... и с тобой.

Лена ушла, а Олег курил и судорожно соображал: если она уйдет, то это навсегда, больше они не встретятся. Что у них получится с Людмилой — кто знает, а здесь... Такая девушка одна среди чужих людей. Ни защитить ее, ни приласкать. Олегу хотелось забрать Лену с собой, чтобы ничто не могло омрачить ее жизнь.

Провожать девушку вышли все, кроме Сергея. Ей протягивали адреса, просили писать. Лишь Олег стоял молча, а Лена подошла, поцеловала его и направилась в

сторону вокзала. Поезд тронулся, и в этот момент Олег схватил свои нехитрые пожитки и прыгнул с подножки.

Отыскал Лену на стоянке такси, где она растерянно озиралась по сторонам в поисках свободной машины. Увидев Олега, уронила чемоданчик и обняла парня, ни о чем не спрашивая.

В течение дня они нашли управление культуры, получили направление в один из отдаленных районов, куда назначили Олега директором клуба, а Лену — художественным руководителем. Олег, правда, пытался объяснить, что он по специальности техник-электрик, но его не стали слушать, объяснив, что девушке руководить клубом в поселке газовиков довольно сложно.

Спорить Олег не стал. И уже на следующий день парень и девушка ехали в дальний медвежий угол Тюменской области. А в Тулу Олег отправил телеграмму с непонятной фразой: «Людмила, прости, пришлось задержаться. Возможно, надолго. И ты меня не жди, Олег».

Ничего не поняла Людмила, только как-то легко на душе стало оттого, что продлилось расставание. А спустя месяц к Людмиле зашел браг Олега, о котором она знала понаслышке. Борис рассказал, что Олег женился на девушке, с которой познакомился в поезде, возвращаясь домой, и живет с ней в Тюменской области. Людмила слушала Бориса и была благодарна судьбе за такое разрешение вопроса, ибо увидела в брате Олега именно того человека, который ей нужен. И как хорошо, что произошло это вовремя. Кажется, Борис тоже рад подобному стечению обстоятельств, и вот они уже пьют кофе, рассказывают друг другу о себе.

Словно издалека Людмила слышит слова:

— Ты не жалеешь, что так получилось с Олегом?

— Не знаю,— честно отвечает она.— Я успела отвыкнуть от него за два года, а с тобой мне так легко, словно знаю давно-давно.

Спустя полгода Борис и Людмила поженились. Олег приехал на свадьбу брата вместе с беременной женой. Бывшие жених и невеста смотрели друг на друга, улыбаясь, и ни один из них не пожалел, что судьба распорядилась именно так, а не иначе.

— Все, что ни делает Бог, все к лучшему,— сказал Олег за свадебным столом. — Но прежде чем расстаться с прошлым, нужно оглянуться назад и без сожаления оставить все, что было в нем. Я рад, что случилось так, как случилось. Пусть никогда в наших сердцах не поселится разочарование. Горько! — и первый поцеловал Леночку, которую поклялся еще в поезде защищать от всех жизненных невзгод.

СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ

В любовь Вероника не верила. Ни в какую. Ни с первого, ни с последнего взгляда. Ей вполне хватало влюбленных подруг, которые страдали, плакались «в жилетку», выходили или не выходили замуж... Быть «копилкой чужих романов» — удовольствие небольшое, но коль нет своей личной жизни, то уж хотя бы набраться чужого опыта. Самое поразительное, что Вероника даже пыталась давать советы подругам, как вести себя с мужчинами в тех или иных конфликтных ситуациях. И порой подруги были благодарны ей за советы.

Вероника вовсе не была дурнушкой и в свои тридцать пять выглядела значительно моложе, за ней пытались ухаживать сослуживцы, но большинство из них были женаты, а она не принадлежала к искателям приключений. Впрочем, скучать Веронике не приходилось: институт, заочная аспирантура, племянники занимали все ее свободное время. До устройства личной жизни не доходили руки. Лишь однажды ей показалось — вот он тот, за кем можно жить как за каменной стеной, но Вероника весьма уклончиво

ответила на его приглашения в театр, и ресторан, и парень обратил свои взоры на веселую хохотушку Ларису, на которой спустя несколько месяцев и женился.

«Ну что ж, значит, не судьба»,— успокоила себя Вероника и поставила на своем замужестве крест.

К тридцати пяти годам у многих ее подруг наметилась тенденция к разводам. И снова к Веронике они шли со своими проблемами, которые старались поскорее переложить на ее плечи. Возвратилась с Урала в родные края подруга, с которой не виделись десять лет. Лишь по письмам узнала Вероника о ее муже, который вначале был представлен «как самый лучший на свете», а спустя годы «как бездарный субъект, не способный обеспечить достойную жизнь семье».

Разошлась с мужем и одноклассница Вероники — Юлька, выйдя скоропалительно вторично замуж за его друга. И после подобных историй верить в любовь? Нет ничего глупее.

Но если бы в нашей истории Вероника не влюбилась, то к чему бы весь этот рассказ. В командировку в Углич в научно-исследовательский институт маслосыроделия отказывались ехать решительно все.

Конец мая, сотрудники отдела мечтали об отпусках, а здесь... какой-то Углич, до которого добраться можно только ночным поездом с Савеловского вокзала.

Вероника не стала отказываться от командировки, хотя через несколько дней у нее начинался отпуск, в котором ее ждали племянники и дачный участок с поливкой и прополкой.

Собравшись наскоро, прихватив с собой купальник и шорты (все-таки на Волгу едет), Вероника достала билеты на тот единственный поезд Москва — Углич — Ленинград и в час отправления была на Савеловском вокзале.

С соседями по купе повезло: женщины преклонного возраста ехали в Углич с покупками. Они устали за день и почти сразу же легли спать.

Приехали в город около восьми утра. Впрочем, выйдя из вагона, Вероника не поняла, а где же город. По обе стороны вокзала, лес, среди деревьев спрятались уютные домики, в которых если и живут, то только гномы или чародеи. Поезд постоял у вокзала, огорченно вздохнул оттого, что ему нужно уезжать, и нехотя застучал колесами, оставив после себя облачко паровозного дыма.

У Вероники поднялось настроение. Захотелось необычного, чего она никогда не ждала от жизни. Но город, которого не было еще видно, просто располагал к этому. Вероника решила идти пешком до центра. Милый старичок, сидящий на скамеечке, указал ей дорогу и отчего-то усмехнулся в седую бородку. А, может быть, ей это просто показалось. Город появился так же неожиданно, как и был спрятан в лесу. И поразил Веронику обилием церквушек, словно перед ней положили огромный именной пирог. «От такой красоты мы отказывались»,— подумала она и решила подзадержаться с поиском института, направившись к реке.

На берегу Волги качались белоснежные катамараны, зовущие в плавание. Они были похожи на огромных фантастических птиц, готовых исчезнуть в небе в любой момент.

— Вам два билета? — услышала Вероника голос кассира.

Мужчина обернулся и встретился взглядом с Вероникой. Это было запланированное чудо: девушке показалось, что она знает человека, стоящего напротив. Его загорелая мускулистая фигура, развевающийся на ветру чуб, едва заметная улыбка — где, когда мы встречались? Но отчего же сердце радостно забило, и показалось, что душа внутри (там, где ей положено быть) сжалась в комочек, а затем вылетела и озарила мир радужными красками.

Мужчина, наконец-то, пришел в себя и произнес:

— Два билета...

И Вероника молча кивнула. Дальнейшее казалось похожим на сон. Девушка села в белоснежный катамаран и старалась припомнить, где же они встречались. Но мысли путались. И она не могла понять, куда они плывут или их просто несет по течению.

Действительно, катамаран находился в свободном плавании, ибо мужчина держал ладони Вероники в своих сильных руках. Волной от проходящего невдалеке теплохода катамаран отнесло к берегу, и «белый лебедь» запутался в прибрежных камышах. Впрочем, Вероника этого не заметила. Как не успела заметить, когда очутилась в объятиях незнакомца, страстные поцелуи которого сводили ее с ума.

В какой-то момент они словно очнулись, увидели себя как бы со стороны, и мужчина спросил:

— Вы кто?

— Вероника. А — вы?

— Виктор... Мне показалось, что я сошел с ума, увидев вас.

— А я, наверное, действительно сошла с ума,— растерянно ответила Вероника и едва смогла остановить себя, чтобы вновь не оказаться в его объятиях.

Уже на берегу Виктор поинтересовался, куда направляется Вероника. Затем привел ее в гостиницу, где сам поселился накануне. Он приехал из Ленинграда в командировку на часовой завод. Ему нужно было возвращаться обратно... но столь неожиданная встреча задержала его.

Виктор собрался уходить, но Веронике вдруг показалось, что она его больше не увидит и... куда подевались ее скромность и застенчивость.

— Вы зайдете ко мне сегодня? — спросила она.

— Да.— Виктор взял ее ладонь, и Веронику пронизало словно электрическим током.

— Не уходи,— прошептала она и спустя минуту почти задохнулась от поцелуя, столь горячего и страстного, что немудрено было сознание потерять.

Через мгновение Виктор исчез, словно никогда и не появлялся. В течение дня Вероника нашла институт, договорилась о получении контрольных пакетов, но случайное знакомство, выбившее из ритма жизни, не забывалось ни на минуту. Она уже боялась вечерней встречи, потому что чувствовала, что не сможет устоять перед Виктором. Да и не хотела она этого. Сама готова броситься в объятия, только бы пришел.

Вероника возвращалась из института в шесть вечера. Она словно летела на крыльях в предвкушении встречи. Но вечером Виктор не появился. Не пришел он и утром. Горничная на вопрос о жильце из седьмого номера ответила, что тот заплатил еще за два дня вперед, но, вероятно, задержался на заводе во вторую смену и остался ночевать у кого-то из знакомых. Горничная поинтересовалась, зачем он нужен Веронике, но та ничего лучшего не придумала, как-то, что Виктор ее однокурсник по институту. Впрочем, проницательная горничная слабо поверила в Вероникину легенду.

Прошло два дня, Виктор так и не появился. Командировка у девушки закончилась, и она решилась на последний шаг: съездить на завод и узнать его место работы в Ленинграде. Но подоспели выходные и все сорвалось. Выручила горничная, дала все-таки адрес, хотя и не имела такого права. Уж больно тоскливыми глазами на нее смотрела девушка.

В то же утро, 12 мая 1964 года, Вероника уехала в Ленинград, забыв предупредить домашних о внезапной задержке. Денег у нее едва хватало на билет в оба конца.

Вот эта улица, вот этот дом. Как бьется сердце. Готово выскочить из груди. Каким оглушительным кажется звонок. На пороге пожилая женщина.

— Виктор Снегирев здесь проживает?

— Да, но он в командировке.

Вероника медленно спускается по ступенькам и на одной из них у нее подворачивается нога, и она едва успевает взяться за перила.

К ней на помощь спешит его мать, приглашает войти в квартиру, расспрашивает, кто она такая, И снова легенда о совместной учебе в Угличе. Мать Серафима Ивановна, рассказывает о сыне, о его незадавшейся женитьбе, какой он застенчивый, да и вообще неудачник в жизни. Показывает коллекцию часов, которую Виктор собирает почти 17 лет. А затем они пьют чай и разглядывают детские фотографии. Кажется, и мама его не верит в легенду

— Здесь Витя с Юлей,— как будто издали слышит Вероника, и не может оторвать взгляд от снимка. Ведь это же Юлька, ее лучшая подруга, сбежавшая от мужа с его лучшим другом.

Уезжая, Вероника оставила свой домашний адрес для Виктора, а Серафима Ивановна просила ее обязательно позвонить. Уж больно девушка ей по душе пришлась. «Жену бы сыночку такую»,— сказала она, прощаясь на вокзале.

Прошло две недели. Вероника по-прежнему занималась племянниками и дачей, но нет-нет да вспоминала о командировке. А тут легка на помине — Юлька объявилась. С новым мужем приехала. К Веронике забежала поболтать. Все-то у нее замечательно, муж необыкновенный... Не выдержала Вероника:

— А бывший-то как поживает?

Помрачнела отчего-то Юлька, а у Вероники даже в глазах потемнело. Отчего, непонятно.

— Да никак. Инфаркт у него случился в мае. В командировке был где-то. Мама его сообщила. Там его в больницу и увезли, несколько дней пролежал, но не спасли. Телеграммой с завода родственников вызывали.

Вероника медленно сползала со стула.

— Вика, что с тобой? — Юлька пыталась привести подругу в чувство.

Придя в сознание, Вероника долго смотрела на Юльку, а затем медленно произнесла:

— В этот день было солнечное затмение, а у него, оказывается, слабое сердце. Жаль, что ты этого не знала.

В ту ночь Виктор приснился Веронике. Он стоял на высоком берегу Волги, а она уплывала на катамаране все дальше и дальше от него. И, оказавшись посередине реки, услышала его голос.

— Вика, это было солнечное затмение.

ПАВЕЛ ЮРЬЕВ (г. Тула)

Родился в Туле. Окончил Тульский госуниверситет.

Пишет стихи, музыку и песни бардовского и эстрадного направления, автор книг стихов «Просветление», «Одна дорога на двоих», печатался в альманахах: «Припускские просторы», «Солова». Дипломант Международного фестиваля современной поэзии в Туле (2007 г.). В поисках истин изучал различные религии. В настоящее время окупился в глубины индийских философий. Основной принцип информационного творчества — «не навреди».

ЗОВ

Он шел, не разбирая дороги, к полоске светящегося неба, подальше от сияющих огней города, оставшихся за спиной. Он шагал и шагал. Казалось, что огни и сам го-

род не хотели его отпускать и все не скрывались из виду, шли следом, в надежде, что он, вдруг, опомнится и передумает, повернет назад и, покорно склонив голову, вернется в привычный плен общепринятых законов всеобщей суеты и толкотни. Но для него все это было позади, беспросветно, бесперспективно, тускло, противно. В нем внезапно проснулся голос детства, ощущения детства, иные ценности детства. И все они, вдруг, с потрясающей ясностью, какой-то вспышкой в сознании высветили весь его путь с его продолжением в будущем, с безрадостным серым тупиком в конце, обойти который можно лишь вернувшись назад, в теперешнюю исходную точку жизни, но времени на этот возврат уже не отпущено: жизнь же не безгранична.

Надежды города были абсолютно напрасны. Город просто был самоуверен и упрям, ему не хотелось признавать свое бессилие.

Путник же возвращался в свою деревню, где все — просто и понятно, где можно не спешить неизвестно зачем, в угоду неизвестно кем установленным механическим правилам, где — речка под горой, луг, лес, кусты, птицы, мыши — буквально все — никогда не врут и не обманывают, не пытаются использовать тебя в своих интересах, не играют роли, не меняют маски на лицах. Общаясь с ними, соприкасаешься с первозданной кристально чистой Истиной.

Истина эта, проникая в тебя, наполняет тебя какой-то светлой энергией, интуитивно ощущаемой как — Совершенство. Заполнив тебя, поселившись в тебе, став частью тебя, а точнее, сделав тебя своей частью, она рождает в тебе абсолютно другого человека. Человека, которого не будут узнавать твои прежние знакомые и друзья, с которыми ты уже не будешь иметь почти ничего общего. Коренное различие мировоззрений создаст глухой провал в понимании друг друга. Лишь на короткое время в твоих бывших друзьях вспыхнет духовный мост прозрения, когда, уходя из жизни, в городе пленник суеты вдруг ясно осознает совершенно иную, упущенную суть, гаснущего только для него, такого прекрасного и, в общем-то, не познанного им Мира. Но — «Поздно» и «Никогда» — совсем не одно и то же!

ЗАКОН ЖЕЛАНИЙ

Давным-давно испуганный червяк,
Не помня направленья и дороги,
От недруга сбежать не мог никак
И стал мечтать: «Вот займет бы ноги!»

Он все же спасся — просто повезло:
За ним птенец неопытный погнался,
Отвлёкся он на что-то, что росло,
К тому же сыт он был, и есть не собирался.

Не в силах позабыть свою мечту,
Что в сон червя прокралась жгучей тенью,
Он незаметно пересек черту,
Ведущую к душевному смятению.

Дни проходили в грезах и трудах,
А удирать частенько приходилось,
И о ногах насущная мечта
В «письмо на хромосомах» превратилась.

Червяк на животе доползал век,
Но породил детей — прекрасных крошек,
А вот они бежали по земле
Ногами, став отрядом многоножек.

Вот так и птицы в воздух поднялись,
И вырос рог на морде носорога,
Взметнулась у жирафа шея ввысь,
Так действует Закон желаний Бога.

* * *

Уставшее лето смыто дождем,
Его уже нет, а мы все еще ждем
Теплого ветра и пения птиц,
И солнечных звезд через щели ресниц.

Ждем нежности ток при касании рук,
И светлый восток, и утренний луг,
И шепот признаний раскрывшихся душ,
И музыку всплесков от дождика луж.

Волшебный заряд ускользящих снов,
И купол из крон, заменяющий кров,
Незыблемой твердости вечных основ,
Из коих главнейшая — наша ЛЮБОВЬ.

ВЕСНА

Весна просочилась сквозь щели Апреля,
Краской зеленой обрызгав деревья.
Теплом непривычным прошил ветерок,
Любой под него рад подставить свой бок.

Бабочек бег по воздушным дорожкам,
А приз — первоцвет на невидимой ножке.
В небе пасутся стада облаков,
Нам запасая дождей молоко.

Совсем без загара стволы у берез,
Но жаждут умыться водой летних рос.
А птица, не зная названия нот,
Любви не скрывая, от счастья поет,

Наполнив весь лес, как звенящей капелью,
Заспорившей с эхом весеннею трелью.
Ей вторят чуть слышным
жужжаньем веселым
Посланники ульев — разведчики-пчелы.

Солнца лучи тянут кверху травинки,
Те рады подставить зеленые спинки.
Глаза у них тоже зеленого цвета.
В них радость от *жизни*
и будущность *лета*.

НАТАЛЬЯ КОЖЕМЯКО (г. Щекино)

Родилась в г. Щекино в 1984 году. Окончила Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, факультет иностранных языков. Печатается с 2006 года. Готовит к изданию сборник ироничных стихов.

МОЕМУ МУЗУ

У меня опять застой.
На столе блокнот — пустой.
Не замараны листочки.
Нет ни строчки. Ни полстрочки.
Не могу стихи писать —
Муз мой упорхнул опять.
Он капризный у меня,
Хоть уже не малышня.
То и глаз казать не хочет,
То ворвется среди ночи,
Враз разбудит и — давай:
Лишь фиксируй — успевай.
То исчезнет на полгода,
То в хорошую погоду
Не дает уйти из дома:
Надиктует на три тома.
— Вдохновилась? Ну, пиши!
Разбросал карандаши,
Посмотрел, который час,
И умчался на Парнас.
Я однажды отомщу:
Привяжу, не отпущу.
Нет! Круче душу отведу:
Другого Муза заведу!

СЕМЕЙНАЯ ФИЛОСОФИЯ

В хохлушку раз узбек влюбился.
Вскоре он на ней женился.
До безумия друг в друга
Оба влюблены супруга.
Только жизнь — сплошной накал:

Что ни день — у них скандал.
Чтоб решить проблему эту,
У психолога совета
Попросить решил супруг.
«Вы попробуйте, мой друг,
Жизнь свою устроить так,
Чтобы был условный знак:
Если кто не в духе будет —
Пусть другой его не судит
И не лезет на рожон,
Коль любимый раздражен».
Да, идея — просто класс!
Испробуем ее сейчас.
Вот узбек домой пришел,
В кухне женушку нашел,
Рассказал ей все, как было,
И условие ставит милой:
«Будет знак такой условный:
Если тюбетейка ровно,
Когда я домой приду,
Значит, мы с тобой в ладу.
Буду нежно обнимать,
Буду к сердцу прижимать.
Ну, а если на беду
Я когда-нибудь приду
В тюбетейке набекрень —
Неудачный вышел день.
Не ворчи и не ругай.
Стол накрой и убегай».
Выслушав всю речь сполна,
Говорит ему жена:
«Но запомни, милый мой,
Вечером, придя домой,
На меня сперва гляди:
Если руки на груди
Скрещены, то признак верный —
Буду я женой примерной.
Буду крепко целовать,
Нежными словами звать,
Лишнего не говорить
И обед тебе варить.
Ну, а если у меня
Руки — в боки, жди огня!
И плевать мне в этот день,
Что у тебя там набекрень!»

ЖИЗНЕННОЕ КРЕДО

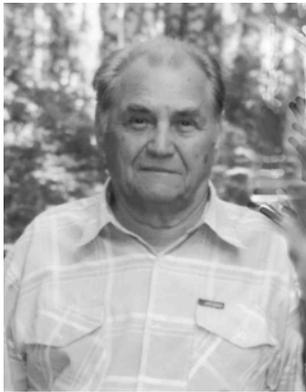
Не дай мне, Боже, стать женой поэта,
И до конца пройти с ним жизни путь,

И слушать каждый день по три куплета,
Две оды, гимн и хит какой-нибудь.

Не дай мне, Боже, стать женой поэта,
И восхищенный взгляд его ловить
На каждой нимфе солнечного лета,
И ревность всякий раз в себе давить.

Не дай мне, Боже, стать женой поэта,
Его с вопросом важным теребя,
Вдруг слышать вместо каждого ответа:
«Вернусь не скоро — я ушел в себя!»

АНАТОЛИЙ МИРОНОВ (г. Щекино)

Миронов Анатолий Иванович родился 24 декабря 1929 года в селе Н-Суходол Алексинского района Тульской области. С двенадцати лет жил в г. Алексине, который расположен на живописных берегах р. Оки, поэтому первые стихи, опубликованные в городской газете, были посвящены природе и людям Алексина. Окончил Тульский государственный педагогический институт им. Л. Н. Толстого. С 1967 года его жизнь и творчество связаны с г. Щекино Тульской области. В настоящее время преподает русский язык и литературу в одной из школ Щекинского района. Его стихи печатались в коллективных сборниках: «Поэты-туляки», «Великий май», «Отчий край», в литературных альманахах «Солова», «По-

этическое братство», «У засечной полосы», в центральной, областной и местной прессе. Изданы книги стихов «Живу любовью» (1998 г.), «Дорога к сердцу» (2004 г.). На некоторые стихотворения А. И. Миронова написаны песни.

ОСЕННЕЕ

И вечером, и ранним утром
Я в лес иду, как в дом родной.
Природа — доктор самый мудрый,
Травую лечит и водой,
Своей красою первозданной
И сказочною тишиной,
Осенней прелестью туманной
И чистой летнею росой.
Здесь — лучшая моя аптека.
Вот — всем известный однолюб,
Мой самый добрый, главный лекарь —
Ветвистый раскрасавец дуб.
Вот — вот октябрь, а он зеленый
Стоит над тихою водой.

Совсем другое дело с кленом:
Тот весь на солнце золотой.
И клен, как солнце, сам сияет,
Гордясь своею новизной.
Он всю округу озаряет
Осенней щедрой красотой.
Черемуха под ветром хлестким
Все листья сбросила с ветвей.
Прижалась боязно к березке,
Стесняясь наготы своей.
Родник из-под коряги вышел,
И я в восторге от него:
В его дыхании я слышу
Биенье сердца моего.
Природа — мать моя святая,
С тобой — во сне и наяву.
Ты проживешь одна, я знаю,
Я без тебя не проживу.

ДЕРЕВНЯ

Иду я в деревню дорогой знакомой.
Иду вдоль бегущего в ней ручейка.
А в этой деревне остались три дома,
Три старых старушки и два старичка.
Вокруг — одичавшие вишни и груши.
Высокое солнце стремится в зенит.
Вот здесь-то смогу тишину я послушать,
Почувствовать, как она грустно звенит.
Такой тишины и во сне не приснится.
Нигде — никого, ни единой души.
Никак мой рассудок не может смириться
С таким безразличием к нашей глуши.
Шагаю я к пруду заросшей тропинкой —
И в сердце великую тяжесть несу.
Себя ощущаю я тонкой былинкой
В огромном, бескрайнем — российском лесу.
Печальной вдовою стоит облепиха,
Под ней муравьи беспрестанно снуют.
И скорбно молчит умирающий тихо,
Болотную ряской затянутый пруд.
Так вот ты какое, родное наследство:
В деревне три дома, и то — хорошо.
Я ехал и шел сюда встретиться с детством.
Но кажется, что на кладбище пришел.